

Из геологии – в монастырь

Татьяна Николаева: «В моей жизни не было крутых поворотов»

В галерее «Сибирское искусство» открылась первая персональная выставка икон, вышитых Татьяной Николаевой. Когда я в первый раз увидела ее работы, меня пригвоздило на месте, и отойти в сторону не было ни сил, ни желания. С одной стороны, совершенно уникальная, авторская живопись нитками, с другой – строжайшее следование канонам, невероятное терпение, которого требует этот труд, вызывают изумление: «Как человеческие руки могли сотворить такое?» Татьяна и сама порой смотрит и удивляется: «Неужели это сделала я?»

Татьяна Николаева и хозяйка галереи Ольга Галыгина

...Татьяна родилась в Семипалатинске, в семье офицера. Может быть, необъятность широт, в которых проходили ее кочевые детство и юность – от Германии до Сахалина, – определила необъятность натуры и жизненного пути. Поэтесса и художница в разные периоды своей жизни работала почтальоном, санитаром в плановой хирургии, бутафором, техником-картографом геологической экспедиции. Пять лет провела в Серафимо-Покровской обители, где и открыла для себя церковное шитье, через глубокое изучение иконографии, иконографии и богословия.

Художественный проект, воплощенный в жизнь хозяйкой галереи «Сибирское искусство» Ольгой Михайловной Галыгиной, включает в себя не только выставку, но и книгу, изданную, к сожалению, крайне скромным тиражом. По словам Ольги Михайловны, «это удивительный исповедальный материал, который каждому из нас даст возможность быть лучше, выше, красивее, вызовет желание сделать что-то по-настоящему серьезное». Специально для того, чтобы вы сами в этом убедились, мы и вставили в этот материал фрагменты из Татьянинной книги. Журналист «10-го канала» Ольга Козлова сняла фильм о Татьяне Николаевой для своей программы «Непридуманная жизнь». А на открытии выставки пел хор духовной музыки Дома детского творчества. Раскрыть многогранность личности этого человека можно только так – в синтезе разных искусств.

Татьяна, какая дорога привела вас в монастырь?

– В моей жизни всегда было много творчества, и творчества разного. И вдруг возник тупик – абсолютный, стопроцентный. Казалось, что жить мне незачем, внутренний возраст был ощутим как 150 лет. Надо уходить: куда? Пошла в церковь, покрестилась, и вот тогда я почувствовала: чтобы жить, мне нужен ребенок и церковь, – это было в 1987-м году. Когда я в первый раз поехала в монастырь с дочерью, мне было 33 года. Мы прожили в монастыре около года – тяжело, ребенок еще маленький, и батюшка благословил меня вернуться. Вернулась в геологию, вместе с дочерью ездили по полям, – это было так здорово! Геологи – одни из самых нравственно и физически здоровых людей – светлые, честные, порядочные. Когда нашу геологическую экспедицию ликвидировали, я во второй раз поехала в монастырь с семилетней дочерью. В принципе, мой образ жизни не особенно изменился: в

геологии послушание и в монастыре послушание, в геологии суровый образ жизни и в монастыре суровый образ жизни. Там люди открытые, порядочные, и в монастыре необходимо только это и ничего больше. Поэтому, я считаю, что в моей жизни не было крутых поворотов.

– Вы давно вышиваете?

– Техникой вышивки гладью я владела с детства. У меня и мама, и бабушка вышивали. Просто долгое время вышивка была не востребована и не нужна. А потом, когда я стала ею пользоваться, просматривала журналы, книги, видела, как великолепно японская, китайская вышивка по шелку и думала: «Боже мой, мне бы так! Вот когда-нибудь возьму и попробую». Однажды раскрыла журнал «Наше наследие» и увидела репродукцию вышитой иконы в статье о ГУЛАГе, в котором закончили свои дни многие монахи. Там они, чтобы сохранить свой внутренний мир, вышивали иконы черными и белыми нитками, дружок просто не было. Сказать, что меня это умилило – значит ничего не сказать, меня это потрясло, было такое душещипание. Увидела и подумала: «Боже мой, значит, это главное!» Ну что им было нужно для жизни? Кусок хлеба да поспать – вот и выжили...

– Как много прошло времени между этой, увиденной в журнале репродукцией, и первой вышитой вами иконой?

– Батюшка долго не давал мне благословения на эту работу. Я не понимала, почему. Один раз сказал «нет», через сколько-то месяцев – второй раз «нет», в третий раз – и опять «нет». В духовной жизни не принято спрашивать: а почему? Если духовный отец сказал «нет» – значит нет. Но я не выдержала: «Батюшка, понимаю, что недостойна, но я хочу вышивать», я все равно знаю, что буду это делать, – не сказала так, но имела в виду именно это. Он на меня так посмотрел и сказал: «Знаешь, Татьяна, искушения будут, очень страшные искушения, а ты с маленьким ребенком, погоди». И только когда мы во вто-

рой раз приехали с дочерью в монастырь, я снова подошла и попросила благословения, и батюшка сказал: «А почему бы и нет? Вышивай, если время найдешь! Но тебе же надо храм обшивать, у тебя огород, печь». – «Батюшка, главное, что благословили!» И я нашла время, ночами сидела, – опять же характер сказался.

– Татьяна, у всех, кто видит ваши работы, возникает один и тот же вопрос: как долго вы работаете над одной иконой?

– У меня есть такое личное свойство: я очень быстро работаю, хорошая способность концентрироваться. Начинаю работу и знаю, что на нее уйдет два месяца, проходит месяц, и я вижу, что ее заканчиваю. Иногда кажется, что дни проходят как минуты, а у меня часто бывает наоборот: прошел день-другой, а кажется – неделя.

– Ваши иконы вышиты в соответствии с ранними, традиционными и очень строгими канонами иконописи...

– В принципе, я знала древнерусскую живопись, но это не то, все равно какой-то натурализм, особенно после того, как Петр Первый привез в Россию западноевропейское католическое искусство, с евангельскими сценами-картинками, на которых и птички, и зверушки, – молись на них! А икона – это не картинка, это дух, это метафизическое пространство, и у него свои законы. Мне нужен был 15-й век, Феофан Грек, Андрей Рублев. В музей, в библиотеку! Чтение Павла Флоренского очень помогло.

– Как вам далось возвращение из монастыря в мир?

– Сначала не могла даже сориентироваться: куда я попала? что мне делать? Я вернулась в город после чудовищной экономической войны, геологии уже не существовало, люди, с которыми я могла общаться, были за бортом, кроме тех, кто пристроился в торговле или на клерковой работе. И именно мое келейное творчество, а по-другому его не назовешь, удерживало меня в какой-то быстринке – тонкой, маленькой, неуловимой.

Помогла Лариса Георгиевна Данилова – друг, искусствовед научной категории. Ей я рассказывала о своих сомнениях, и она все просто раскладывала по полочкам. Ольга Михайловна Галыгина практически вошла в мою жизнь. Самое первое, что она сделала – заказ, совершенно конкретный. Человеческую поддержку, мгновенное реагирование на обращение ничем не заменить, никакими вещами и конституциями. И с того времени началось прекрасное сотрудничество. Если бы не этот маяк, меня бы уже сдуло куда-нибудь. Ольга Михайловна говорила мне: «Работай, работай! И тогда все сложится, доверяй не случаю, а закономерности того, что происходит». И в день выставки я наконец увидела результат. Дальше что будет, то и будет, надо вышивать. Столько икон любимых, на сто лет работы хватит!

«Возвращаюсь чувствами и мыслью к уже прожитому когда-то в обители состоянию. Люблю этих людей, что рядом со мной, люблю этот пяточок земли, продуваемый всеми ветрами на истерзанном теле шахтерского города. Люблю этот дикий, невообразимый ландшафт: слева плотной грязной толпой, по колени в нечистотах, сползающие от шахты грязные дома; справа, за рядом домов свалка, смердящие падающие стоки от города; отстойники, заросшие мать-и-мачехой, зияющие в небо, как мертвые глаза самоубийцы; змеиное русло реки, прячущееся в зарослях тальника; долина до горизонта, упирающаяся в железнодорожную насыпь у самого закатного свода неба.

Люблю и знаю, что могу обойтись без всего остального мира, не теряя полноты жизни, не теряя вкуса человеческого бытия со всеми его радостями и невзгодами, ничего не желая добавить к тому, что есть, – настолько прозрачна пленочка поверхности, скрывающая за собой приближающееся Царствие Небесное. Только бы Господь был посреди нас!»

Виктория Любарская
Фото Татьяны Пеннер

Притча о хомячке и свободе

Завели мы хомячка (не было печали, купила баба поросю...). Милое существо, глупенькое, но забавное и вроде бы неприхотливое. Все ему уготовили – жрачку, домик, прогулочки. Нет! Это миленькое существо, стоит его выпустить из уютной клетки, рвется на свободу – удрать с глаз долой. Куда? Ну, комната в любом случае больше клетки.

Первый побег (обретение свободы – 1): забрался на шкаф, залез в коробку с вещами, прогрыз все их «по азимуту» от одного угла до другого, забился в уголке и заснул сладким сном зубами к стенке.

Ну что же: вредительство, понятно, но пришлось простить мелкой твари ее невежество, она же не знала, что есть в жизни вещи, которые нельзя проходить «по азимуту»...

Второй побег (обретение свободы – 2): в наше отсутствие выбрался из клетки путем умонепостижимым и куда-то запропастился на ночь глядя. Решили искать утром, которое вечера мудренее. С утра пораньше раздвигаю шторы для света Божьего и вижу, что эта тварьса вечером зачем-то (любопытство? некая «рациональная» мысль?) забралась в пустую трехлитровую банку на подоконнике, а вылезти обратно не смогла. Картинка, наводящая на слезы жалости: в пустой стеклянной посудине, холодной (на подоконнике – нулевая), замаранной изнутри лапками (тщетно пыталась выскочить, судя по всему, раз тысячу), на дне, в собственных испражнениях. Свернувшись обессиленным клубочком, лежит наше «исчадие свободы и голода. Достаю с соответствующими комментариями за шкуру, отдаю дитю отмыть, согреть, накормить, приласкать. Горький опыт. Есть над чем поразмыслить для имеющих мозги: ничего себе свобода – околеть от собственной глупости, в собственных испражнениях!

Побег третий (обретение свободы – 3): во время прогулки по коридору наша умильная тварь юркнула в крысиную нору на кухне и исчезла с поля нашего зрения и умиления навсегда, ведь хищник, «яко лев, рыкая, ищет кого поглотить». Он, судя по всему, питается такими неистребимыми искателями свобод.

Это уже обобщение, и не о хомячке, а о нас. У нас тоже первый «всплеск свободолюбия» чреват тем, чтобы погрызть, навредить и забиться сладким сном в каком-нибудь запретном уголке. Второй – залететь в идиотскую ловушку и нанюхаться собственного дерьма, источив все самостоятельные силы из нее выбраться, и забиться горьким сном отчаяния. Третий – сгнить в зубах у очень осторожного хищника, очень редко и умно псхидующего свою резиденцию.

Все это хорошо в качестве рассуждения на тему, но в практике дня возбуждает огромный (зияющий) вопрос: а мы что – глупее крысы и не умнее хомячка?

Из книги Т. Николаевой
«Живи меня, Господи!»